

Е. Д. Богатырева

Учение о художественной речи у Аристотеля (К вопросу о понимании языка и стиля в античности)

Учение о художественной речи у Аристотеля складывается, с одной стороны, как результат его собственных наблюдений над словом в поэзии и ораторской речи, с другой — как развитие взглядов предшественников.

Несмотря на недостаточную систематичность изложения этого учения у Аристотеля, уместно говорить о философском единстве аристотелевской мысли, обнаруживаемой в особом подходе к явлениям языка и стиля по сравнению с предшествовавшей традицией.

До Аристотеля критика словесного искусства занималась осмыслением «своего» собственного художественного опыта либо противопоставляла оный «чужому», не выходя за рамки эмпирического исследования. Словесное искусство понималось как владение приемами, делающими речь более экспрессивной. Эти приемы носили рецептурный характер. В «Поэтике» Аристотеля поэтическое искусство предстает как предмет научного исследования, проведенного имеющимися у философа средствами научного анализа. Новизна «Поэтики» в том и состояла, что она не только формализовала еще один тип словесной деятельности, но и придавала иной вид изложению правил, содержанию руководств.

Культурно-исторической предпосылкой такого измененного взгляда на литературу является то, что объектом рефлексии выступает здесь уже сложившаяся («готовая») литературная традиция. По замечанию С. Аверинцева, ее характеризуют два момента. Во-первых, для греческой литературы характерно в целом искание не новых тем, а новых трактовок; в частности, новизна трактовки понимается и как но-

визна словесного выражения. Во-вторых, во времена Аристотеля появляется представление об особых, самоценных возможностях слова, связанных с бытованием литературы как литературы для чтения. «Читатель» как бытовое явление был новшеством; до самого конца античности будут говорить преимущественно о «слушателе» и «слушании» речей и стихов, даже тогда, когда на деле подразумевается читательское восприятие литературы. «Тем важнее, — подчеркивает С. Аверинцев, — инициатива Аристотеля, поставившего проблему запросов читателя в их специфичности по отношению к запросам слушателя»¹.

Непосредственными предшественниками Аристотеля в разработке учения о художественной речи были софисты и Платон. У софистов он находит понимание стиля речи как способа убеждения слушателя, а самого языка — как психического явления. У Платона можно найти понятие образа имени, который подходит для каждой вещи и благодаря которому результатом любого именованного является имя. Онтологический статус образа здесь не совсем ясен. Понятно лишь одно, что этот образ имени как-то участвует в именовании вещей, а также является исходным условием или, как мы бы сейчас сказали, предельным основанием, номинации. Ясно, что это идеальный образ, что он выступает в качестве формообразующего принципа. Возможно, под образом имени Платон имел ввиду также идею вещи. Но тогда имя должно нести на себе печать сущностной природы вещи, не быть произвольным по отношению к ней, не искажать эту природу, но являть ее. Однако Платон отказывает имени в подлинности, относит знание имени к наинизшей ступени познания. Имя, таким образом, есть результат двух несходных процессов — идеального² представления вещи и подражания.

¹ В «Риторике» Аристотель рассматривает основные типы «слога» или «стили речи», в т. ч. и письменной (См. об этом перевод «Риторики» и примечания к ней С. Аверинцева в кн.: *Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996.)

² В его платоновском понимании.

Аристотель разрешает это противоречие на материале поэтического и риторического искусства, и, в частности, в учении о художественной речи.

Итак, Аристотеля интересует слово (имя) риторическое и поэтическое. Что это значит? Аристотель еще не рассматривает слово как чисто языковое явление. В этом он следует традиции: для всей античности будет характерно отнесение семантического аспекта слова к области логики и онтологии; специфически языковым явлением окажется только фонетическая сторона слова. Это связано прежде всего с той ролью, которую играет язык в системе мышления древних греков, а также с отсутствием представления о языке как особой сфере с присущими ей внутренними закономерностями. Рассмотрение слова как риторического и поэтического, с одной стороны, следовало традиции, но, с другой, Аристотель открывает новые возможности самореализации имени (слова). С чем это было связано? Прежде всего с модификацией предмета речи. Искусство убеждения (риторика) базируется на вероятных умозаключениях о том, что «необязательно существует на самом деле и не всегда соответствует нормам человеческого разума, а устремлено на нечто кажущееся, правдоподобное, возможное, условное, но отнюдь не осуществленное и абсолютно завершенное»³. Риторика здесь уподобляется искусству, творчеству, выросшему на «диалектической логике» (Лосев) возможного бытия⁴. Аристотель исследует эту открываемую им в риторике и искусстве «логику чистой возможности, которая специфична для всякого художника и всякого человека, переживающего художественное произведение»⁵. Напомню известное изречение греческого философа о специфике поэтического искусства: «...задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости...» (и т. д.)⁶. Речевая деятельность (выбор слов, их

³ См. *Комментарии* к кн. *Античные риторика*. М., 1978. С. 287.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ *Античные риторика*. С. 287.

⁶ *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 655.

расположение, сочетание) также подчиняется здесь (в риторическом и поэтическом искусстве) логике возможного и необходимого. Иначе говоря, она, эта деятельность, интеллектуализируется. Речь интересует Аристотеля в двух планах: в ее отношении к мысли и ее предмету и как сама себя определяющая. В первом случае перед словом стоит задача «доказывать и опровергать, возбуждать страсти (такие, как сострадание, страх, гнев и тому подобные), а также возвеличивать и умалять». Но поскольку «мысли, содержащиеся в речи, должны представляться через говорящего и возникать по ходу его речи»⁷, то необходимо исследовать саму речь как *искусство* произнесения и как поэтическое искусство. Все это, равно как и отмеченная уже выше необходимость реализации мысли через слово в разных ситуациях общения, учитывания запросов слушателя, заставило Аристотеля написать свою «Риторику», а также проработать учение о художественной речи.

Слово для Аристотеля является одним из средств подражания. Следует учитывать, что для него «подражание» — не только «естественная» способность человека (чувство гармонии и ритма, присущая человеку с детства способность к подражанию), но и потребность, которую он определяет как интеллектуальную потребность, а не только безотчетно-инстинктивную⁸. Отсюда и новая трактовка впечатления от искусства: по Аристотелю, это не ответная реакция чувств, но работа мысли.

Интеллектуализация словесного творчества проявляется в учении о художественной речи в том, что Аристотель задает некую *норму* стиля⁹. Эта норма предстает и как эстетическое требование, и как показ, и как реализация речи. Структурно эта норма включает в себя как языковые сред-

⁷ *Аристотель*. Сочинения. Гл. 19. С. 666.

⁸ См. в «Метафизике»: «Все люди от природы стремятся к знанию».

⁹ См. о норме поэтической речи в кн.: *Аристотель* и античная литература. М.: Наука, 1978.

ства (в учении о звуках, именах, членах предложения), так и некоторую конструкцию из средств, созданную самим Аристотелем. В связи с вышеуказанными подходами Аристотеля к речи как в ее отношении к мысли и предмету мысли, так и самой по себе, норма художественной речи заключает в себе два требования: ясности и меры.

Требование ясности вполне соответствует традиции. Отличие будет только в том, что для Аристотеля ясность выступает как основное качество речи, а не в ряду других. Из этого монизма вытекает требование строить речь так, чтобы она соответствовала и предмету, и положению, и характеру говорящего как условие ясности речи. Меликова-Толстая, выделившая эту особенность теории Аристотеля, отмечает, что здесь достоинство речи оценивается с точки зрения ее познаваемости. В этом же, по ее мнению, заключается философское обоснование трактовки Аристотелем вопросов о стиле. Именно поэтому, считает она, для Аристотеля важно, чтобы речь не была безграничной, а имела пределы. Это же дает возможность и все учение о периоде и ритме подчинить тому же требованию ясности. Ему же подчиняется и учение об украшениях речи, и трактовка лексики художественной речи, и теория метафоры и т. д.

Все это направлено на удовлетворение прирожденного человеку стремления к познаваемому.

Уже в «Поэтике» требование ясности соединяется с требованием меры в построении речи. Например, о стиле драмы (мерка!): «Достоинство речи быть ясной и не быть низкой»¹⁰. В «Риторике» это положение конкретизируется: «Стиль должен быть ясен, не низок, но соответствовать своему предмету»¹¹. Здесь же вводится и третье измерение стиля: «для каждого рода речи пригоден особый стиль»¹². Это прагматическое, как его можно было бы назвать, измерение стиля

¹⁰ Аристотель. Сочинения. Гл. 22. С. 670.

¹¹ Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб, 1996. С. 199.

¹² Там же. С. 198.

задается условиями сообщения (например, письменной или устной речью, речью во время спора, речью в суде или речью судебной). Аристотель здесь различает два вида соответствия: когда тот или иной стиль соответствует в каждом отдельном случае «своему» предмету, так что нельзя говорить о разных предметах в одном и том же стиле; второе соответствие возникает, когда один и тот же предмет по-разному будет обнаруживать себя в разных стилях речи. Таким образом, во втором случае мы будем иметь дело с разной степенью ясности, точности в изложении предмета, или с разной его модальностью.

Итак, стиль должен соответствовать случаю, придавать делу вид вероятного, побуждать сочувствие в слушателе¹³. Специфика античного понимания стиля обнаруживается там, где Аристотель говорит о *силе* стиля, через который речь убеждает слушателя, а мысль становится доступной для понимания. Специфика понимания стиля Аристотелем проявляется там, где он говорит о стиле как *показе*, показе образа жизни. «Это — показ характера на основании его признаков, потому что для каждого положения и у каждого состояния есть свой подходящий ему показ...»¹⁴. Лосев интерпретирует это показывание стиля как «просто выражение», которое носит нейтральный характер «с точки зрения действительности абсолютного и истинного разума»¹⁵. Однако, на мой взгляд, слово «показ» точнее передает особое положение стиля в античности, чем «выражение». Стиль «подходит», «соответствует» предмету речи, он выступает как «подобающее» в ситуации общения («говорения», «чтения»). Следовательно, слово в стилевой конструкции, как и сама конструкция обнаруживают свою относительную автономность по отношению к предмету. Более того, стиль оказывает влияние на этот предмет. Он представляет его как нейтральную стилевую конструкцию по отношению к фак-

¹³ Античные теории языка и стиля. С. 192.

¹⁴ Там же. С. 193.

¹⁵ Античные риторики. С. 290.

тической действительности этого предмета. Стиль не просто дает или показывает образ жизни (мысли, предмета и т. д.). Он оказывается некоторым общим принципом возможного (вероятного, должного, подобающего) действия этой мысли, принципом, изначально самой мысли не присущим, но возникающим и проявляющим себя с необходимостью в ситуации сообщения (говорения, чтения). Можно назвать этот принцип здесь как художественный, поскольку благодаря ему предметы, мысль, жизнь сотворяются заново, в новом (художественном) измерении. С этим же общим принципом художественного действия связана еще одна любопытная вещь: для Аристотеля ясно, что стиль должен *представляться* языком человека, а не быть им в действительности. Его искусность, искусственность должна носить естественный характер. Соответствие стилю тому или иному случаю придает делу *вид* вероятного. Таким образом, в стиле мистифицируются и предмет речи, и субъект, говорящий, который отчасти симулирует искренность и достоверность, и слушатель как главный арбитр истинности сообщаемого. Можно сказать, что в стиле и через стиль речи обнаруживает и проявляет себя новая действительность отношений слова к предмету и мысли, слова к слову, говорящего к слушающему.

Слово двигается в открывающемся ему и через него пространстве «возможного» и «подобного» с присущей ему и теперь уже и слову (как новой существенной характеристике) целесообразностью и необходимостью. Аристотель, а вслед за ним и другие, исследуют возможности сочетания, расположения, употребления слов в том или ином художественном задании. Слово при этом не только «выражает», но и «показывает» открываемую реальность «художественного», сотворяя ее наряду с другими средствами мимезиса.